

DOI: 10.17976/jpps/2018.04.06

ПОСТКОММУНИЗМ В ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОМ, ИДЕОЛОГИЧЕСКОМ И КОММУНИКАТИВНОМ ИЗМЕРЕНИЯХ: КРИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ. ЧАСТЬ II

В.А. Гуторов, И.Н. Тарасов

ГУТОРОВ Владимир Александрович, доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой теории и философии политики факультета политологии СПбГУ, Санкт-Петербург. Для связи с автором: gut-50@mail.ru; **ТАРАСОВ Илья Николаевич**, доктор политических наук, профессор, зав. кафедрой политики, социальных технологий и массовых коммуникаций, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград. Для связи с автором: IParasov@kantiana.ru

Гуторов В.А., Тарасов И.Н. Посткоммунизм в институциональном, идеологическом и коммуникативном измерениях: критические заметки. Часть II. – Полис. Политические исследования. 2018. № 4. С. 72-83. <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.04.06>

Статья поступила в редакцию: 19.02.2018. Принята к печати: 04.03.2018

Аннотация. Вторая часть статьи посвящена вопросу о роли политической коммуникации и средств массовой информации в развитии социальных процессов в Центральной и Восточной Европе. Исследование парадоксальных свойств феномена посткоммунизма стало одним из наиболее важных стимулов для поворота гуманитарных наук в направлении анализа специфики новых коммуникативных и риторических свойств политических текстов в структуре идеологических дискурсов как в самой Европе, так и за ее пределами. Специфическая природа посткоммунистической социальной коммуникации, когда идеологические ярлыки часто обесмыслены и взаимозаменяемы, а граждане по-прежнему слабо вовлечены в политический процесс, способствует усилению роли манипулятивных факторов, реализуемых через средства массовой информации. Данная тенденция изначально проявлялась, в частности, в различных “медиакратических” проектах и утопиях, в основе которых лежало стремление политизированных интеллектуалов сформировать “новый политический язык” и тем самым укрепить позиции в социуме, завоевав в конечном итоге легитимное право на власть. Быстрая эволюция посткоммунистического политического дискурса от “либерального гуманизма” и “общечеловеческих ценностей” к реакционному мифотворчеству, националистической риторике и ксенофобии наглядно свидетельствует о том, что одним из главных источников постоянных идеологических трансформаций в общественном сознании являются крайне противоречивые политические идеи и позиции интеллектуалов, устремившихся во власть на начальной стадии реформ. Вместе с тем кризисные ситуации, рост традиционалистского национализма говорят о том, что патологические тенденции и изменения в структурах посткоммунистических режимов имеют системный и глобальный характер.

Ключевые слова: новый политический язык; интеллектуалы; массмедиа; манипулятивные технологии; медиакратические проекты; посткоммунистический национализм; социальная патология; системный кризис.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ КАК “НОВАЯ МЕДИАКРАТИЯ”

Исследование парадоксальных свойств феномена посткоммунизма стало одним из наиболее важных стимулов для поворота гуманитарных наук в направлении анализа специфики коммуникативных и риторических свойств политических текстов в структуре современных идеологических

дискурсов как в самой Европе, так и за ее пределами. Поэтому отнюдь не случайно, на наш взгляд, резко повысился интерес авторов новейших работ в области политической лингвистики, политической текстологии, политической риторики и философии публичной политики к идеологической проблематике [Marttila 2015; Riedner 2015; Philosophy and Political Engagement... 2016; Rolfe 2016; Thompson 2016; Rhetoric in Neoliberalism 2017 и др.]. Осмысление обозначенных выше проблем в социальных науках способствовало формированию предпосылок для нового этапа, который Т. Марттила определяет как “всеобщую ‘дискурсивизацию’ академического сообщества” [Marttila 2015: 1]. Некоторые ученые полагают, что подобная тенденция – своеобразное отражение процесса “материализации дискурсов”, в рамках которого риторика и вообще риторическое начало приобретают господствующее положение в современной политике. Так, Х.Э. Хейз в книге “Субъекты насилия и риторическая картография в эпоху войн с террором” утверждает, что новое представление о дискурсе необходимо дополнить соответствующей материалистической концепцией риторики, в рамках которой “постоянная и остаточная (*residual*) идея ‘текста’ неотделима от контекстуализации риторического артефакта, являющегося частью более обширной конструкции социальных отношений” [Hayes 2016: 3].

Эволюция политических дискурсов действительно имеет прочную материальную основу и является отражением происходящей в современном мире коммуникативной революции. Как отмечают Дж. К. Гибсон-Грэхем в исследовании “Посткапиталистическая политика”: “Представляется, что создание нового политического воображения идет полным ходом... Возникнув в течение последних нескольких десятилетий и обретая зримую форму и самосознание посредством интернета, независимых средств массовой информации, а в последнее время и на всемирных социальных форумах, это новое воображение разрушает обветшалые оппозиции между глобальным и местным, революцией и реформой, оппозицией и экспериментом, институциональной и индивидуальной трансформацией... Концептуальное взаимопроникновение радикально изменяет сложившуюся пространственно-временную структуру прогрессивной политики, перестраивая положение и роль субъекта, а также видоизменяя основания для оценки эффективности политических движений и инициатив” [Gibson-Graham 2006: XIX].

Все эти революционные тенденции, безусловно, усиливают позиции массмедиа, формируя обновленную основу для претенциозного политического мифа о “четвертой власти”, значительно укрепившего свои позиции еще во второй половине XX в. Например, Н. Коулдри определяет власть СМИ как “концентрацию в институтах медиа символической способности ‘конструирования реальности’ (как фактических представлений, так и достоверных фикций)” [цит. по Hardy 2014: 195; ср.: Wodak 2013: 189–190; Curran 2002; Media Power... 2003; The Power... 2007; Freedman 2014; Dator, Sweeny, Yee 2015; Babe 2015]. “Каждая программа, текст или образ обладают, конечно, своим особым способом поддерживать вашу веру (будь то правдивая репрезентация фактов или убедительная фикция)... Символическая власть массмедиа далека от автоматизма. В действительности она должна постоянно воспроизводиться через разнообразные практики и диспозиции на любом уровне общественной жизни... ‘Медиавласть’ – ...это социальный процесс, который нам необходимо понять

во всей его специфической сложности... Это не только нечто, чем институты массмедиа (или медиатексты) ‘владеют’, а их аудитория ‘впитывает’... Медиа-власть воспроизводится через конкретные детали того, что социальные акторы (включая членов аудитории) делают и говорят” [Couldry 2000: 4; см. также Couldry, Hepp 2017: 17, 149; Couldry 2012: 102; Couldry, Livingstone, Markham 2007: 181].

Именно в свете этих тенденций следует рассматривать специфические формы медиакратических претензий, проявившие себя уже на раннем этапе посткоммунистических трансформаций.

На пике “бархатных революций” органическая взаимосвязь между стратегией утверждения элитами Центральной и Восточной Европы нового политического дискурса и перспективой реструктуризации посткоммунистического общества была весьма рельефно обрисована венгерскими политологами Г. Конрадом и Й. Целеньи в эссеистски заостренном прогностическом проекте “Интеллектуалы и господство в посткоммунистических обществах”. Сам факт публикации их эссе в сборнике материалов международной конференции “Социальная теория для изменяющегося общества”, изданном в 1991 г. под редакцией Пьера Бурдьё и Джеймса С. Коулмана, был непосредственным свидетельством внимания ведущих ученых к обозначенной проблематике. Важнейшие вопросы, на которые пытались ответить Конрад и Целеньи, были сформулированы следующим образом: “(1) Доказывают ли текущие события упадок бюрократического господства и рост возможностей интеллигенции? Является ли интеллигенция новой правящей элитой, новым господствующим классом в посткоммунистическом венгерском обществе? (2) Являются ли явно возросшая политическая активность и влияние интеллектуалов долговременным феноменом или же только коротким интервалом между коммунистическим бюрократизмом и новым, возможно, буржуазным классовым господством? (3) Если текущая стадия [развития] не представляет собой короткого переходного периода, но, возможно, новую эпоху, является ли вообще эта ‘третья’ эпоха социалистической в каком-либо значимом смысле данного термина?” [Konrad, Szélenyi 1991: 337-338].

Осуществленный Конрадом и Целеньи анализ основывался на тезисе, согласно которому “в текущем посткоммунистическом транзите интеллигенция, по всей видимости, открыла для себя незабюрократизированную роль. Вместо того, чтобы становиться классом, формирующимся вокруг перераспределяющей власти, она осуществляет свою собственную власть в качестве политократии или медиакратии. Эта позиция открывается путем оценки и принятия дуализма посткоммунистической социальной структуры... В условиях посткоммунизма государственная бюрократическая элита должна научиться жить и, до определенного предела, конкурировать с возникшим классом собственников. Интеллигенция же, внезапно открывшая сферу демократической политики, доминирует в этой сфере путем монополизации дискурса, который устанавливает повестку дня для текущей и, в особенности, для будущей политики. Интеллигенция находит удобным это диверсифицированное и увеличенное пространство и начинает усматривать свою роль в том, чтобы сравнить одного господина с другим и, используя механизмы политической демократии, установить контроль над обоими и тем самым возвыситься над двумя господами в качестве ‘супергосподина’ — мастера игры, рефери” [ibid.: 354]. Оказавшись намного проворнее “бюрократического правящего сословия”,

интеллектуалы стали способными не только использовать те же политические институты, в прошлом созданные для их притеснения, но и создавать внутри социальной структуры позиции, которые более соответствовали их природе и потребностям. На первых стадиях посткоммунистической трансформации интеллектуалы позиционировали себя как медиакратию, поскольку “массмедиа играют ключевую роль в определении основополагающих вопросов” [ibidem]. Тем самым в ходе рекрутирования новой правительственной элиты интеллигенция делает “заявку” на собственную будущую господствующую роль в обществе, “когда бюрократия исчезнет с исторической сцены” [ibid.: 355].

Хотя разработанный венгерскими учеными “медиакратический проект” новой интеллектуальной “политократии” рассматривался ими как один из возможных вариантов будущего развития, наряду с такими перспективами, как “восстановление коммунистического социального порядка” и “переход к буржуазному классовому правлению” [ibidem], сам характер их аргументации свидетельствовал о том, что они рассматривали данный проект как один из наиболее перспективных вариантов эволюции посткоммунизма как такового. “Мы полагаем, что в настоящее время невозможно говорить о том, окажется ли понятие ‘социализм’ полезным для описания будущих социальных формаций в Центральной Европе. Эти социальные формации могут быть, но могут и не быть социалистическими. Концепт посткоммунизма является гибким в том, что касается будущего” [ibid: 357].

Проект Конрада и Целеньи, разумеется, не был единственным в своем роде. Многочисленные исследования свидетельствуют о том, что он может рассматриваться лишь как одна из медиакратических утопий, возникших в посткоммунистическом пространстве в 1990-е годы. В их основе лежала иллюзия, что “с изменением системы и свободной прессы для политизированных интеллектуалов, журналистов и даже для простых граждан возникла возможность, но одновременно и радикальный вызов — реализуя поставленную цель, открыть перспективный политический дискурс с помощью процесса детабуизации и демократизации и сформулировать новый политический язык; с другой стороны, новые политические акторы (политики и партии) должны укреплять свои позиции в дискурсе, но также с помощью дискурса, завоевывая легитимное право на власть” [Kovács 1996: 127]. Как отмечал в 1991 г. словенский социолог С. Сплихал, в условиях всеобщей эйфории СМИ Центральной и Восточной Европы выбрали далеко не лучший вариант развития, пойдя по пути *имитации* западноевропейских образцов. В авангарде были Польша и Венгрия. По мнению Сплихала, такой вариант развития может серьезно осложнить процесс формирования гражданского общества в регионе, поскольку стремительный процесс коммерциализации СМИ неизбежно приведет к их концентрации в руках отечественных и зарубежных корпораций и, следовательно, к господству своекорыстных узкопартийных интересов [Splichal 1991; см. также Keane 1991: 83-87; Media, Power and Empowerment... 2014].

Все эти моменты нового политического дискурса, безусловно, были следствием кампании по “декоммунизации”, проводимой с разной степенью интенсивности в странах Центральной и Восточной Европы и имевшей для них различные последствия. Ситуация, сложившаяся в СМИ и тот тип журналистики, который в них преобладает, заставляет присоединиться к мнению многих специалистов, утверждающих, что медиакратические претензии интеллигенции,

проявившиеся столь ярко в начальный период реформ в форме “журналистского постмодерна”, на самом деле имели весьма архаический характер домодерна или даже квазимодерна” [Szabó 1996: 64; см. также Social Media...: 2017].

Почти идентичные результаты декоммунизации в большинстве посткоммунистических стран свидетельствовали, что она может рассматриваться как “эмоциональный проект” [Fehr 1996: 162]. Вместе с тем нельзя недооценивать травматическое влияние этих кампаний как на общественное сознание, так и на социально-политические институты, включая СМИ. В 1996 г. немецкий политолог Г. Фер, подводя итоги декоммунизации в Польше, следующим образом определил ее смысл и идеологическую направленность: “Конфликт, связанный с декоммунизацией в Польше, свидетельствует о наличии у него символических и стратегических параметров. Декоммунизация является составной частью политической борьбы новых элит, направленной на создание основ изменившейся политической среды (*Umwelt*) в результате проведенной в 1989 г. смены системы. Речь идет о семантических стремлениях (*semantische Bestrebungen*) политических акторов равным образом запечатлеть новые содержательные значения справедливости, права и политического прошлого. С этим связана и другая предпосылка, освещающая стратегические параметры политического дискурса: декоммунизация и ‘люстрация’ являются составными частями стратегии мобилизации политических элит и партий в конкурентной борьбе за влиятельные позиции в общественной и политической жизни Польши” [ibid.: 135].

76 Причины aberrаций, которые постоянно трансформируют вполне реалистичную конструкцию – интеллигенция во власти или “при власти” (М. Вебер), подменяя ее утопическим мифом – интеллигенция как “правлящий класс”, равно как и сама концепция “медиакратии”, вполне вписываются в концептуальную парадигму идеологического стиля поведения интеллектуалов, характеристику которой еще в начале 1980-х годов дал Мишель Фуко: “Не есть ли борьба, которую пытаются вести против врага, на самом деле способ придать значение мелким незначительным спорам? Разве не рассчитывают интеллектуалы с помощью идеологической борьбы придать себе больший политический вес, нежели тот, каким они в реальности обладают?” [Фуко 2005: 283].

Драматический опыт, связанный с попытками реализации медиакратических экспериментов в Центральной и Восточной Европе, в дальнейшем еще не раз вызывал многочисленные отклики, развивавшие идеи французского философа. Так, комментируя “на злобу дня” третью главу книги Жюльена Бенда “Предательство интеллектуалов” [Benda 2003], другой французский философ Ж.-М. Мюллер отмечал: “Интеллектуалы представляют собой совокупность мыслящих людей, чей моральный престиж позволяет им бичевать политический реализм государства. Они не имеют ни малейшего призвания к участию во временном исполнении властных полномочий. Но их духовное призвание заставляет, водрузившись на публичный пьедестал, беспрестанно напоминать государству о требованиях человеческой совести, без которых цивилизация исчезает и политическая жизнь распадается” [Muller 2015]. Однако специфика нашего времени состоит в том, что “‘интеллектуалы’, класс людей, который традиционно воплощал наивысшие ценности и возлагал на себя ответственность их проповедовать, перестали выполнять эту функцию и также стали предаваться политическим страстям. Фактически они поменяли ценности” [Engel 2012: 139].

В эпоху “бархатных революций” подобного рода “предательство принципов” стало оборачиваться многочисленными аберрациями, нередко принимавшими патологический характер, что во многом способствовало радикальной трансформации демократических институтов в посткоммунистическом мире в далеко не либеральном направлении. Спонтанно возникшая в начале XXI в. дискуссия о нелиберальной демократии особенно показательна. Как отмечал, например, Р. Саква: “В недавней статье Фарид Закария имплицитно стал поддерживать точку зрения Реймона Арона относительно того, что концепция ‘конституционного плюрализма’ во многих случаях более корректна, чем формула ‘либеральной демократии’. Закария устанавливает различие между *либеральной* демократией, определяемой как ‘политическая система, для которой характерны не только свободные и честные выборы, но также правовое государство, разделение властей и защита основополагающих свобод – слова, собраний, религии и собственности’ (такую систему он называет конституционным либерализмом) и нелиберальной демократией. В последней ‘демократически избранные режимы – часто такие, которые были переизбраны и утвердили себя через референдумы, – рутинно игнорируют конституционные ограничения своей власти и лишают своих граждан основных прав и свобод’. Для Закарии регулярная постановка относительно честных, соревновательных, многопартийных выборов может сделать страну демократической, но она не обеспечит хорошее правление” [Sakwa 2001: 276; ср. Now Europeans View... 2016: 1-2, 27-30, 155-157, 190-194, 310-312].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Практически любая попытка анализировать посткоммунистические процессы в научном и, тем более, политико-философском плане почти неизбежно порождает у исследователей мысль, что возникающие в рамках этих процессов перепады между стагнацией, неустойчивыми “переходными состояниями” и “пароксизмами регресса” имеют откровенно патологический характер. Свойственные посткоммунизму политические и идеологические патологии наглядно демонстрируют особенности современных глобальных кризисных процессов, в рамках которых инновационные прорывы и радикальные трансформации органически переплетаются с консервативными тенденциями и откровенной архаикой. Поэтому вряд ли случайным выглядит стремление некоторых современных ученых выделять “социально-политическую патологию” в качестве специального междисциплинарного научного направления. Так, например, британский исследователь Р.С. Смит в недавно опубликованной работе “Общество и социальная патология” специально отмечает: “Новейшие направления в системном подходе к пониманию общества, формирующие взгляд на систему как целое, создают для нас весьма существенный каркас, позволяющий, в сочетании с другими концептуальными рамками и методологическими подходами, ясно обрисовать рациональность и иррациональность глобальной системы в целом, и патологию нашего текущего социально-экономического и политического состояния дел – в частности. Это также способствует нашему более широкому пониманию того, что я называю патологическим – *инерционным* – увековечением негативных социальных условий. В более определенных терминах мы можем называть это патологическим характером современных кризисов. Другими словами, оно соотносится с патологией человеческой деструктивности,

т.е. с уровнем анализа, принимающего во внимание как структурные, так и психологические основания современного кризиса” [Smith 2017: 18].

Учитывая высокий уровень концентрации иррационального мифотворчества в идеологических процессах и политических практиках посткоммунистических режимов, часто возникает искушение искать причину в менталитете элитарных групп, особенно тех из них, которые, претендуя на роль новой политической элиты, используют профессиональные навыки для формирования в обществе психологической среды, благоприятствующей их амбициозным замыслам. Ведь хорошо известно, что “идеологические конструкции, которые артистические или политические группы или индивиды могут произвести для того, чтобы придать своим ‘выборам’ в самых различных областях – политических, эстетических или этических – видимость связности, являюся, по сути, комбинациями логически несвязных элементов, которые удерживаются вместе лишь интегрирующей силой общих диспозиций или позиций” [Бурдьё 2018: 132]. Однако современные политические реалии свидетельствуют о том, что отмеченные патологические изменения имеют именно системный и глобальный характер; они затрагивают не только посткоммунистический регион, но и те европейские страны, которые долгое время являли собой образец политического устройства и уровня благосостояния, для достижения которых элиты и народы Центральной и Восточной Европы отвергли постепенную трансформацию и встали на путь революционного свержения коммунистических режимов с последующей интеграцией в “единое европейское пространство”.

78 Наглядным примером системного уровня кризиса является неуклонный рост национализма в большинстве европейских государств. Как отмечал У. Пфафф, комментируя итоги отрицательного голосования французов и голландцев против проекта конституции ЕС в мае 2005 г.: “Национализм является той силой, которая опрокинула Европейский проект и которая противостоит дальнейшей экспансии ЕС, равно как и дальнейшей концентрации исполнительной власти. Конституция требует от национального суверенитета большей жертвы, чем французы, голландцы и другие уже готовы допустить” [цит. по Muhill 2006: 1]. Примечательная особенность новых националистических движений в Западной Европе заключается в том, что их активисты проявляли гибкость и сумели на первых порах не только “встраиваться” в общеевропейские структуры и успешно их использовать для реализации планов, но и постоянно импровизировали, демонстрируя склонность к неожиданным инновациям. Например, поразительный политический феномен – шотландский “интернационалистский национализм” (политика сохранения членства в ЕС как фактор сепаратизма), сформировавшийся в период референдумов о независимости Шотландии 18 сентября 2014 г. и о выходе Великобритании из ЕС 23 июня 2016 г., сразу обрел многочисленных адептов в других европейских странах.

В связи с этим возникает вопрос: каким образом следует сопоставлять и оценивать “националистические инновации” в развитых европейских политиях с трансформациями того традиционалистского национализма, который изначально проявлялся практически на всех этапах эволюции посткоммунистических режимов? В современной научной литературе до сих пор наибольшим влиянием пользуется гипотеза о принципиальном различии векторов национального развития в западной и посткоммунистической Европе. Американский политолог Р. Брубейкер отмечает, что “самым поразительным различием кажется следующее: в то время как реорганизация политического

пространства в Западной Европе устремлена – по крайней мере, насколько можно судить сегодня, – к выходу за рамки государства-нации, впечатляющая реконфигурация Центральной и Восточной Европы после окончания холодной войны включает движение *назад* к государству-нации. Не считая объединенной Германии, 19 из 23 государств на территории бывшего многонационального Советского Союза, некогда многонациональной Югославии и двунациональной Чехословакии принято считать государствами-нациями, т.е. государствами конкретных наций и на службе интересам этих наций, по имени которых они и называются... Если Западная Европа вступает в постнациональную эпоху, то политический контекст для большей части Восточной Европы можно было бы назвать *постмногонациональным*” [Брубейкер 2012: 281].

Не отрицая справедливости приведенных суждений, следует отметить, что Р. Брубейкер склонен недооценивать международные факторы, во многом способствующие превращению *ретроградных движений* посткоммунистических наций и их правительств в орудие глобальной игры, одним из следствий которой становится, например, устойчивое противопоставление “малых европейских государств”, “срединной Европы” – Европе “большой” под самыми различными лозунгами – от правопопулистских программ, ориентированных на возвращение к “исконным европейским ценностям”, до различных версий “альтеревропеизма” и т.п. [The Mediated Politics... 2017: 3, 5, 151-171].

На наш взгляд, общий характер политической ситуации, складывающейся в посткоммунистическом мире, вполне адекватно резюмирован в итоговой главе опубликованной в 2012 г. книги Бернарда Яка “Национализм и моральная психология сообщества” – “Учимся жить с национализмом” [Yack 2012: 286]. Согласно его меткой характеристике (вполне совпадающей с мнением Майкла Манна), трактовка национализма как “темной стороны демократии” [Mann 2004] связана не с представлением о том, что он является “побочным продуктом” демократии *per se*; в гораздо большей степени национализм связан с “тем особенным способом, с помощью которого мы стремимся конструировать демократию в современных государствах” и который делает абсолютно безуспешными любые попытки “очищения национализма от его пристрастия к политической власти” [Yack 2012: 301, 156].

Годом раньше шведский экономист Стефан П. Хедлунд, анализируя причины “системного провала” как неолиберальных проектов реформ, так и лежавшей в их основе квазинаучной идеологической апологетики, пришел к аналогичным выводам. “Непосредственным следствием ‘демократических революций’, развернувшихся в Центральной Европе, был крикливый призыв к национальному самоопределению. Такого рода призывы, которые когда-то были столь величественно разрекламированы Вудро Вильсоном в речи о 14 пунктах, обращенной к конгрессу США, теперь будут ассоциироваться со злым национализмом, порождавшим в ряде случаев этническую напряженность, этнические чистки и кровавые гражданские войны” [Hedlund 2011: IX].

Приведенные выше научные выводы являются дополнительным подтверждением очевидного факта, что “пристрастие к политической власти”, свойственное элитам Центральной и Восточной Европы уже на самой ранней стадии реформ, вероятно, будет не только постоянно стимулировать изоляционистские и ксенофобские настроения, но может также придавать новый радикальный импульс консервативным проектам “возврата к прошлому”, способствуя тем самым вырождению посткоммунистических

демократий в те или иные разновидности авторитарного режима, как это уже происходило в XX в. в период между двумя мировыми войнами.

Брубейкер Р. 2012. *Этничность без групп*. М.: Издательский дом Высшей школы экономики. 408 с.

Бурдьё П. 2018. *Ното academicus*. М.: Изд-во Института Гайдара. 464 с.

Фуко М. 2005. *Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. Часть 2*. М.: Праксис. 320 с.

Babe R.E. 2015. *Wilbur Schramm and Noam Chomsky Meet Harold Innis. Media, Power, and Democracy*. Lahnam, Boulder, N.Y., L.: Lexington Books. 275 p.

Benda J. 2003. *La trahison des clercs*. Paris: Editions Grasset. 334 p.

Couldry N. 2000. *The Place of Media Power. Pilgrims and Witnesses of the Media Age*. L., N.Y.: Routledge. 238 p.

Couldry N. 2012. *Media, Society, World. Social Theory and Digital Media Practice*. Cambridge: Polity Press. 316 p.

Couldry N., Hepp A. 2017. *The Mediated Construction of Reality*. Cambridge: Polity Press. 289 p.

Couldry N., Livingstone S., Markham T. 2007. *Media Consumption and Public Engagement. Beyond the Presumption of Attention*. Houndmills, N.Y.: Palgrave Macmillan. 247 p.

Curran J. 2002. *Media and Power*. L., N.Y.: Routledge. 308 p.

Dator J. A., Sweeny J.A., Yee A.M. 2015. *Mutative Media. Communication Technologies and Power Relations in the Past, Present, and Future*. Heidelberg, N.Y., Dodrecht, L.: Springer. 208 p. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-07809-0>

Engel P. 2012. *Les lois de l'esprit. Julien Benda ou la raison*. Paris: Ithaque. 275 p.

Fehr H. 1996. *Öffentliche Konfliktdiskurse um Restitution von Gerechtigkeit, politische Verantwortung und nationale Identität. Institutionenbildung und symbolische Politik in Ostmitteleuropa. In memoriam Gábor Kiss. Berliner Schriften zur Politik und Gesellschaft im Sozialismus und Kommunismus*. Hrsg. von K. Mänicke-Gyöngyösi. Bd. 9: Frankfurt am Main: Peter Lang. S. 135-162.

Freedman D. 2014. *The Contradictions of Media Power*. L., New Delhi, N.Y., Sydney: Bloomsbury. 179 p.

Gibson-Graham J.-K. 2006. *A Postcapitalist Politics*. Minneapolis, L.: University of Minnesota Press. 277 p.

Hardy J. 2014. *Critical Political Economy of the Media. An Introduction*. L., N. Y.: Routledge. 245 p.

Hayes H.A. 2016. *Violent Subjects and Rhetorical Cartography in the Age of the Terror Wars*. L.: Palgrave Macmillan. 207 p. <https://doi.org/10.1057/978-1-137-48099-6>

Hedlund S. 2011. *Invisible Hands, Russian Experience, and Social Science. Approaches to Understanding Systemic Failure*. Cambridge: Cambridge University Press. 307 p. <https://doi.org/10.1017/CBO9781139003612>

How Europeans View and Evaluate Democracy. 2016. Ed. by M. Ferrin, H. Kriesi. Oxford: Oxford University Press. 410 p.

Keane J. 1991. *The Media and Democracy*. Cambridge: Polity Press. 216 p.

Konrad Gy., Szélényi I. 1991. Intellectuals and Domination in Post-Communist Societies. — *Social Theory for Changing Society*. Ed. by P. Bourdieu, J.S. Coleman. Boulder, San Francisco, Oxford: Westview Press; N. Y.: Russell Sage Foundation. P. 337-361.

Kovács E.J. 1996. Hütchenspiel. Ausschlußverfahren bei den Mediendiskursen über die "Restitution von Gerechtigkeit" in Ungarn 1990-1992. — *Öffentliche Konfliktdiskurse*

um Restitution von Gerechtigkeit, politische Verantwortung und nationale Identität. Institutionenbildung und symbolische Politik in Ostmitteleuropa. In memoriam Gábor Kiss. Berliner Schriften zur Politik und Gesellschaft im Sozialismus und Kommunismus. Hrsg. von K. Mánicke-Gyöngyösi. Bd. 9: Frankfurt am Main: Peter Lang. S. 119–134.

Mann M. 2004. *The Dark Side of Democracy. Explaining Ethnic Cleansing.* Cambridge: Cambridge University Press. 590 p. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511817274>

Marttila T. 2015. *Post-Foundational Discourse Analysis. From Political Difference to Empirical Research.* L.: Palgrave Macmillan. 238 p.

Media Power, Media Politics. 2003. Ed. by M.J. Rozell. Lahnam, Boulder, N.Y., Oxford: Rowman & Littlefield Publishers Inc. 341 p.

Media, Power and Empowerment: Central and Eastern European Communication and Media Conference CEECOM Prague 2012. 2014. Ed. by T. Pavlícková, I. Reifová. Newcastle: Cambridge Scholars Publishing. 470 p.

Muller J.-M. 2015. *La nouvelle trahison des clercs.* 15 Septembre. URL: www.jean-marie-muller.fr (accessed 03.02.2018).

Myhill J. 2006. *Language, Religion and National Identity in Europe and the Middle East.* Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. 300 p. <https://doi.org/10.1075/dapsac.21>

Philosophy and Political Engagement. Reflection in the Public Sphere. 2016. Ed. by A. Fives, K. Breen. L.: Palgrave Macmillan. 275 p.

Rhetoric in Neoliberalism. 2017. Ed. by Kim Hong Nguyen. Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan. 234 p.

Riedner R.C. 2015. *Writing Neoliberal Values. Rhetorical Connectivities and Globalized Capitalism.* L.: Palgrave Macmillan. 162 p.

Rolfe M. 2016. *The Reinvention of Populist Rhetoric in the Digital Age. Insiders & Outsiders in Democratic Politics.* Singapore: Palgrave Macmillan. 259 p. <https://doi.org/10.1007/978-981-10-2161-9>

Sakwa R. 2001. Liberalism and Post-communism. — *The Edinburgh Companion to Contemporary Liberalism.* General Editor M. Evans. Edinburgh: Edinburgh University Press. P. 269–286.

Smith R.C. 2017. *Society and Social Pathology. A Framework for Progress.* New Brunswick, New Jersey: Palgrave Macmillan. 378 p. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-50325-7>

Social Media and European Politics. Rethinking Power and Legitimacy in the Digital Era. 2017. Ed. by M. Barisione, A. Michailidou. L.: Palgrave Macmillan. 309 p.

Splichal S. 1991. The “Civil Society Paradox” and Media in Central and Eastern Europe. — *Paper President at the Firth Colloquium on Communication and Culture.* Piran, Yugoslavia. September. P. 43–78.

Szabó M. 1996. Die Semantik des Systemwechsels. — *Öffentliche Konfliktdiskurse um Restitution von Gerechtigkeit, politische Verantwortung und nationale Identität. Institutionenbildung und symbolische Politik in Ostmitteleuropa. In memoriam Gábor Kiss. Berliner Schriften zur Politik und Gesellschaft im Sozialismus und Kommunismus.* Hrsg. von K. Mánicke-Gyöngyösi. Bd. 9: Frankfurt am Main: Peter Lang. S. 57–70.

The Mediated Politics of Europe. A Comparative Study of Discourse. 2017. Ed. by M. Ekström, J. Firmstone. Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan. 345 p.

The Power of Global Community Media. 2007. Ed. by L.K. Fuller. N.Y.: Palgrave Macmillan. 272 p.

Thompson M. 2016. *Enough Said. What’s Gone Wrong with the Language of Politics?* N.Y.: St. Martin’s Press. 315 p.

Wodak R. 2013. Analyzing Meetings in Political and Business Contexts: Different Genres – Similar Strategies? — *Analyzing Genres in Political Communication. Theory and*

Practice. Ed. by P. Cap, U. Okulska. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. P. 187-221. <https://doi.org/10.1075/dapsac.50.07wod>

Yack B. 2012. *Nationalism and the Moral Psychology of Community*. Chicago, L.: The University of Chicago Press. 328 p. <https://doi.org/10.7208/chicago/9780226944685.001.0001>

DOI: 10.17976/jpps/2018.04.06

POST-COMMUNISM IN INSTITUTIONAL, IDEOLOGICAL AND COMMUNICATIVE DIMENSIONS: CRITICAL NOTES. PART II

V.A. Gutorov¹, I.N. Tarasov²

¹Saint-Petersburg State University. Saint Petersburg, Russia

²Immanuel Kant Baltic Federal University. Kaliningrad, Russia

GUTOROV Vladimir Aleksandrovich, Dr. Sci. (Philos.), Professor, Head of Department of Theory and Philosophy of Politics, Faculty of Political Science, Saint-Petersburg State University. Email: gut-50@mail.ru; **TARASOV Ilya Nikolaevich**, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Head of the Chair of Politics, Social Technologies and Mass Communications, Immanuel Kant Baltic Federal University. Email: ITarasov@kantiana.ru

Gutorov V.A., Tarasov I.N. Post-Communism in Institutional, Ideological and Communicative Dimensions: Critical Notes. Part II. – Polis. Political Studies. 2018. No. 4. P. 72-83. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.04.06>

Received: 19.02.2018. Accepted: 04.03.2018

Abstract. The second part of the article is devoted to the question of the role played by political communication and the mass media in the development of social processes in the Central and Eastern Europe. The study of paradoxical properties of the phenomenon of post-communism has become one of the most important incentives for the turn of the humanities in the direction of analyzing the specifics of the new communicative and rhetorical properties of political texts in the structure of ideological discourses both in Europe and outside it. The specific nature of post-communist social communication when ideological labels are often meaningless and exchangeable, and citizens remain unengaged in the political process, increased the role of manipulative factors realized through the media. This tendency initially manifested itself in various “mediocratic” projects and utopias based on the desire of politicized intellectuals to form a “new political language” and thereby strengthen their positions in political discourse, ultimately winning the legitimate right to power. The rapid evolution of the post-communist political discourse from “liberal humanism” and “universal values” to reactionary myth-making, nationalist rhetoric and xenophobia, clearly demonstrates that one of the main sources of constant ideological transformations in the public consciousness is the extremely contradictory political ideas and attitudes of intellectuals rushing into power already at the initial stage of reforms. At the same time, crisis situations, the growth of traditionalist nationalism indicate that pathological tendencies and changes in the structures of post-communist regimes have a systemic and global character.

Keywords: new political language; intellectuals; mass media; manipulative technologies; mediocratic projects; post-communist nationalism; social pathology; systemic crisis.

References

- Babe R.E. *Wilbur Schramm and Noam Chomsky Meet Harold Innis. Media, Power, and Democracy*. Lahnam, Boulder, N.Y., L.: Lexington Books. 2015. 275 p.
- Benda J. *La trahison des clercs*. Paris: Editions Grasset. 2003. 334 p.
- Bourdieu P. *Homo academicus*. (Russ. ed.: Bourdieu P. *Homo academicus*. Moscow: Izdatel'stvo Institutu Gaidara. 2018. 464 p.)
- Brubaker R. *Ethnicity without Groups*. (Russ. ed.: Brubaker R. *Etnichnost' bez grupp*. Moscow: Izdatel'skil dom Vysshej Shkoly ekonomiki. 2012. 408 p.)
- Couldry N. *The Place of Media Power. Pilgrims and Witnesses of the Media Age*. London, New York: Routledge. 2000. 238 p.
- Couldry N. *Media, Society, World. Social Theory and Digital Media Practice*. Cambridge: Polity Press. 2012. 316 p.
- Couldry N., Hepp A. *The Mediated Construction of Reality*. Cambridge: Polity Press. 2017. 289 p.
- Couldry N., Livingstone S., Markham T. *Media Consumption and Public Engagement. Beyond the Presumption of Attention*. Houndmills, N. Y.: Palgrave Macmillan. 2007. 247 p.
- Curran J. *Media and Power*. L., N.Y.: Routledge. 2002. 308 p.
- Dator J. A., Sweeny J.A., Yee A.M. *Mutative Media. Communication Technologies and Power Relations in the Past, Present, and Future*. Heidelberg, N.Y., Dordrecht, L.: Springer. 2015. 208 p. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-07809-0>

- Engel P. *Les lois de l'esprit. Julien Benda ou la raison*. Paris: Ithaque. 2012. 275 p.
- Fehr H. Dekommunisierung und symbolische Politikmuster in Polen. – *Öffentliche Konfliktdiskurse um Restitution von Gerechtigkeit, politische Verantwortung und nationale Identität. Institutionenbildung und symbolische Politik in Ostmitteleuropa*. In memoriam Gábor Kiss. *Berliner Schriften zur Politik und Gesellschaft im Sozialismus und Kommunismus*. Hrsg. von K. Mánicke-Gyöngyösi. Bd. 9: Frankfurt am Main: Peter Lang. 1996. S. 135–162.
- Foucault M. *Intellectuals and Power. Selected Political Articles, Speeches and Interviews. Part 2*. (Russ. ed.: Foucault M. *Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью*. Част' 2. Moscow: Praxis. 2005. 320 p.)
- Freedman D. *The Contradictions of Media Power*. L., New Delhi, N.Y., Sydney: Bloomsbury. 2014. 179 p.
- Gibson-Graham J.-K. *A Postcapitalist Politics*. Minneapolis, L.: University of Minnesota Press. 2006. 277 p.
- Hardy J. *Critical Political Economy of the Media. An Introduction*. L., N. Y.: Routledge, 2014. 245 p.
- Hayes H.A. *Violent Subjects and Rhetorical Cartography in the Age of the Terror Wars*. L.: Palgrave Macmillan. 2016. 207 p. <https://doi.org/10.1057/978-1-137-48099-6>
- Hedlund S. *Invisible Hands, Russian Experience, and Social Science. Approaches to Understanding Systemic Failure*. Cambridge: Cambridge University Press. 2011. 307 p. <https://doi.org/10.1017/CBO9781139003612>
- How Europeans View and Evaluate Democracy*. Ed. by M. Ferrin, H. Kriesi. Oxford: Oxford University Press. 2016. 410 p.
- Keane J. *The Media and Democracy*. Cambridge: Polity Press. 1991. 216 p.
- Konrad Gy., Szélnyi I. Intellectuals and Domination in Post-Communist Societies. – *Social Theory for Changing Society*. Ed. by P. Bourdieu, J.S. Coleman. Boulder, San Francisco, Oxford: Westview Press; N. Y.: Russell Sage Foundation. 1991. P. 337–361.
- Kovács E.J. Hütchenspiel. Ausschlußverfahren bei den Mediendiskursen über die “Restitution von Gerechtigkeit” in Ungarn 1990–1992. – *Öffentliche Konfliktdiskurse um Restitution von Gerechtigkeit, politische Verantwortung und nationale Identität. Institutionenbildung und symbolische Politik in Ostmitteleuropa*. In memoriam Gábor Kiss. *Berliner Schriften zur Politik und Gesellschaft im Sozialismus und Kommunismus*. Hrsg. von K. Mánicke-Gyöngyösi. Bd. 9: Frankfurt am Main: Peter Lang. 1996. S. 119–134.
- Mann M. *The Dark Side of Democracy. Explaining Ethnic Cleansing*. Cambridge: Cambridge University Press. 2004. 590 p. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511817274>
- Marttila T. *Post-Foundational Discourse Analysis. From Political Difference to Empirical Research*. L.: Palgrave Macmillan. 2015. 238 p.
- Media Power, Media Politics*. Ed. by M.J. Rozell. Lahnham, Boulder, N.Y., Oxford: Rowman & Littlefield Publishers Inc. 2003. 341 p.
- Media, Power and Empowerment. Central and Eastern European Communication and Media Conference CEECOM Prague 2012*. Ed. by T. Pavlicková, I. Reifová. Newcastle: Cambridge Scholars Publishing. 2014. 470 p.
- Muller J.-M. *La nouvelle trahison des clercs*. 15 Septembre 2015. URL: www.jean-marie-muller.fr (accessed 03.02.2018).
- Myhill J. *Language, Religion and National Identity in Europe and the Middle East*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. 2006. 300 p. <https://doi.org/10.1075/dapsac.21>
- Philosophy and Political Engagement. Reflection in the Public Sphere*. Ed. by A. Fives, K. Breen. L.: Palgrave Macmillan. 2016. 275 p.
- Rhetoric in Neoliberalism*. Ed. by Kim Hong Nguyen. Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan. 2017. 234 p.
- Riedner R.C. *Writing Neoliberal Values. Rhetorical Connectivities and Globalized Capitalism*. L.: Palgrave Macmillan. 2015. 162 p.
- Rolfé M. *The Reinvention of Populist Rhetoric in the Digital Age. Insiders & Outsiders in Democratic Politics*. Singapore: Palgrave Macmillan. 2016. 259 p. <https://doi.org/10.1007/978-981-10-2161-9>
- Sakwa R. Liberalism and Post-Communism. – *The Edinburgh Companion to Contemporary Liberalism*. General Editor M. Evans. Edinburgh: Edinburgh University Press. 2001. P. 269–286.
- Smith R.C. *Society and Social Pathology. A Framework for Progress*. New Brunswick, New Jersey: Palgrave Macmillan. 2017. 378 p. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-50325-7>
- Social Media and European Politics. Rethinking Power and Legitimacy in the Digital Era*. Ed. by M. Barisione, A. Michailidou. L.: Palgrave Macmillan. 2017. 309 p.
- Splichal S. The ‘Civil Society Paradox’ and Media in Central and Eastern Europe. – *Paper President at the Firth Colloquium on Communication and Culture*. Piran, Yugoslavia. September. 1991. P. 43–78.
- Szabo M. Die Semantik des Systemwechsels. – *Öffentliche Konfliktdiskurse um Restitution von Gerechtigkeit, politische Verantwortung und nationale Identität. Institutionenbildung und symbolische Politik in Ostmitteleuropa*. In memoriam Gábor Kiss. *Berliner Schriften zur Politik und Gesellschaft im Sozialismus und Kommunismus*. Hrsg. von K. Mánicke-Gyöngyösi. Bd. 9: Frankfurt am Main: Peter Lang. 1996. S. 57–70.
- The Mediated Politics of Europe. A Comparative Study of Discourse*. Ed. by M. Ekström, J. Firmstone. Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan. 2017. 345 p.
- The Power of Global Community Media*. Ed. by L.K. Fuller. N.Y.: Palgrave Macmillan. 2007. 272 p.
- Thompson M. *Enough Said. What's Gone Wrong with the Language of Politics?* N.Y.: St. Martin's Press. 2016. 315 p.
- Wodak R. Analyzing Meetings in Political and Business Contexts: Different Genres – Similar Strategies? – *Analyzing Genres in Political Communication. Theory and Practice*. Ed. by P. Cap, U. Okulska. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. 2013. P. 187–221. <https://doi.org/10.1075/dapsac.50.07wod>
- Yack B. *Nationalism and the Moral Psychology of Community*. Chicago, L.: The University of Chicago Press. 2012. 328 p. <https://doi.org/10.7208/chicago/9780226944685.001.0001>